

Поэзия иский А
ср

1985

21 АПР 1985

„ЛЕНИНСКАЯ СМЕНА“
Г. ГОРЬКИЙ

— В свое время вы молодым актером Горьковского театра юного зрителя начали свою актерскую карьеру. Когда же впервые выступили вы на сцене «театра одного актера», как называют чтецкое искусство?

— Это было так давно, что вспоминать об этом становится все приятней. Представьте себе пятидесятый год. Несмотря на трудности, в стране преобладает высокий творческий подъем. И я — студент Шукшинского театрального училища. И у меня, как и у всех людей в это время, неутоленная жажда знаний, общения с интересными людьми, желание что-то сделать, большое и грандиозное совершить. «А в нашей буче, боевой, кипучей...» Маяковским я увлекался всегда. Это такой поэт, что не стареет с годами. Революционный накал его поэзии настолько велик, что с годами не гаснет. Он злободневен сейчас, как двадцать, тридцать лет назад. И вот тогда, в послевоенные годы, Маяковский ритмом, злободневностью, непримиримостью своего стиха помогал строить, поднимать страну из развалин, бороться с нашими недостатками. Маяковским увлекались все, и увлекался я, будучи студентом первого курса Шукшинского училища. Моим учителем по технике речи была требовательная, нетерпимая к дирижированным недостаткам своих учеников женщина. У меня несколько проскальзывал звук «с» и «з», получалось что-то среднее, для простого уха неуловимый дефект, но не для про-

те сюда свое звено: писатель — книга — чтец — слушатель. В какой-то мере вы берете на себя часть ответственности за то, как будет воспринята книга, что в ней главное...

— Если вам скажут, что актер с годами привыкает к встречам со зрителями и перестает волноваться — не верьте. Это неправда. До сих пор перед началом концерта, когда я остаюсь один на один со своим отражением в зеркале гримировочной комнаты, я испытываю чувство... Нет, не робость, не страх. А ощущение какой-то огромной ответственности перед слушателями. Вот они идут между рядами, рассаживаются, тихонько переговариваются друг с другом. Для большинства из них известно, что я буду читать, они знают содержание текста и, может, не раз сидели над той книгой, над которой трудился и я, проникая в ее мысль и ткань. Для них не секрет, что это же самое буду читать сегодня и я. Но они пришли ко мне на концерт! Значит, они чего-то еще ждут от меня... Но чего? Слушатель вправе рассчитывать на то, что артист своим прочтением раскроет ему созвучную мысль. Или откроет такие художественные ценности и эстетические тонкости, которых, может быть, он сам не заметил. Или слушателю станет интересна какая-то моя трактовка произведения, моя оценка поднятых в нем проблем. Все может быть. И все-таки главный контакт чтеца и слушателя, мне видится, в другом. Думаю, что люди идут на ли-

ВСТРЕЧИ В ГОСТИНОЙ «ПС»

Недавно в издательстве «Советская Россия» (М., 1984) вышла в свет книга «Перед выходом на сцену». Автор ее заслуженный артист РСФСР, работник Горьковской филармонии Александр ПОЗНАНСКИЙ. Сегодня он гость нашей рубрики. Беседу ведет журналист Людмила НИКИТИНА.

Вглядимся в книгу, как в самих себя

фессионального, актерского. А тут по всей Москве — афиши, объявляются всесоюзный конкурс чтецов поэзии Маяковского. Мой намерившийся учитель обращается ко мне: «Может, и вы пойдете порадовать слушателей своим сл...» А я по молодости в ответ: «Да, я подаю заявление». Так и пришлось заявление подать, отступления не было. Выступил, стал дипломантом этого конкурса. И что интересно, все его дипломанты, а выступали на нем не только профессиональные чтецы, но и актеры театров, студенты театральных училищ, стали впоследствии чтецами. Маяковский — трибун, поэт, плашай — заразил нас своим искусством.

— А потом...
— А потом работа в Горьковском театре юного зрителя. Интересные роли в интересных спектаклях. В первом же сезоне сыграл Овода. Но и тогда уже знал, что буду чтецом. Дело в том, что я всегда очень хорошо помнил завет великого мастера сцены Дмитрия Журавлева, который говорил: «Если хочешь быть хорошим чтецом, надо поработать в театре». С этой его мыслью я совершенно согласен. В чтецком искусстве без перевоплощения нельзя. А ведь у чтеца нет специального грима, костюма, декораций. Надо научиться перевоплощению без привычной актерской атрибутики. Это, поверьте, непросто.

— Авторская мысль приходит к читателю по такому простому пути: писатель — книга — читатель. Вы, вторгаясь в эту цепочку, вплетае-

тературный концерт для того, чтобы еще раз почувствовать творческое волнение от соприкосновения с книгой, когда в воображении начинают оживать ее страницы, герои, пейзажи, которые нарисованы пером писателя. И если такой контакт произошел — концерт удался. Вот почему я радуюсь, когда, идя на мой концерт, зритель говорит: «Идем слушать Есенина, Шукшина...»

— Белинский как-то сказал, что книги — жизнь нашего времени. Другими словами, книги — зеркало того времени, в которое они были написаны, о котором они были написаны. Мы с неменьшим интересом читаем и перечитываем Сервантеса, Толстого, Достоевского, как когда-то читали и перечитывали их современники. Наверное, в этом неотъемлемое великостепе классики — не стареет никогда! И тем не менее даже мы, читатели, каждый раз, перечитывая неуязвимые страницы гениальных произведений, прочитываем их по-новому. И как же бывает трудно чтецу в обширном море литературы выбрать современную книгу и прочитать ее по-новому. Ведь и Горация читать можно, но еще важно найти в нем так необходимое созвучие с нашим временем...

— В жизни каждого чтеца бывает полоса мучительной неопределенности, сомнений, поисков. Полоса эта может быть более продолжительной или менее, но она всегда ограничена таким временным отрезком: от одной программы до начала работы над следующей. Это время — это период вы-

бора материала для нового выступления. Казалось бы, в бездонной сокровищнице мировой литературы так просто найти произведение на любой вкус. Но когда приближаешься к этому гигантскому кладу человеческой мысли, то выбрать что-то одно совсем нелегко. Необходимо ведь найти такой материал, который наиболее точно выразил бы нравственную и гражданскую позицию артиста и вместе с тем дал ключ к пониманию задач, стоящих ныне перед обществом. Одно дело такую книгу просто прочитать — здесь мы ничем не рискуем другое — нести ее со сцены слушателю. Задача ответственная и интересная. Не в хвалюбу было сказано, но в моем репертуаре, пожалуй, не было «краткосрочных» программ. Программы отмирали, отрабатывали свое, как говорится, на сто процентов. Удача для чтеца, когда программа, однажды подготовленная артистом, составляет его репертуар на протяжении всего творческого пути. Достоевского я, например, читаю пятнадцать лет, Маяковского читал и могу читать хоть сейчас, Есенина теперь уже читаю по-другому, композицию выстрою по-другому. Шукшина стал читать еще в шестидесятые годы. А ведь тогда к этому замечательному писателю отношение критики было не столь однозначным, как сейчас, и симпатия публики была не столь безоговорочной...

— И все-таки в выборе репертуара чтеца поджидают многие подводные рифы. Один из них — не впасть в

обман, не оказаться на поводу моды...

— Есть и другой, не менее опасный риф: подготовить программу «постфактум». Здесь скорее дело не в моде, а в том, что считать модным. Одно время в моде был Хейли, потом из рук в руки ходил «Универмаг», «Таксопарк», теперь «У последней черты», «Фаворит» и так далее. Извините за резкость, я в руки не возьму такую литературу иначе, как с целью общего ознакомления. Да эта, с позволения сказать, литература и не претендует, на верное, на большее. Выбор репертуара чтеца находится в прямой зависимости от личности самого чтеца, его мировоззрения, эстетических вкусов, его умения угадать пульс времени. Причем от артиста ждут не фиксации совершившихся сдвигов в общественном настроении, а предчувствия, предугадывания, предложения их. Многие теперь уже опытные артисты-чтецы могут откровенно признаться, что на чтецкую эстраду их вытолкнула в свое время волна молодой поэзии конца пятидесятых, начала шестидесятых годов. И моя программа «Голоса молодых», в которой я читал стихи Евтушенко, Рождественского, Вознесенского, имела успех потому, что шла в ногу со временем.

Случается, что прилив внимания к творчеству какого-либо писателя не совпадает с круглой датой его жизни или творчества. Примеров тому много. Наиболее яркий, пожалуй, — бурное обращение к творчеству Федора Михайло-

вича Достоевского в конце шестидесятых годов. Было время, когда произведения Достоевского, с углубленным самоанализом его героев, с душевным разладом, со стремлением заглянуть в бездны человеческой психики, хоть и не пылились на книжных полках, но и не были самыми читаемыми книгами. Людей волновало иное. Годы войны и послевоенного восстановления страны требовали от людей напряжения сил, физических и духовных, чтобы выстоять, превозмочь. И помогал Маяковский. Прошли годы, отстроились города, стала налаживаться жизнь. И теперь самое время оглянуться на самих себя, заглянуть в сокровенные глубины собственной души. И Достоевский становится одним из самых читаемых авторов. В это время снимаются фильмы по его произведениям, пишутся книги о его творчестве, ставятся инсценировки по его романам. И в это время в репертуаре чтецов появляются произведения Достоевского. Что это — дань моде? Нет! Это отклик на духовную потребность общества.

— В биографии Радищева есть любопытный факт, когда за то, чтобы прочитать его «Путешествие из Петербурга в Москву» (а в свет вышло всего двадцать пять экземпляров книги), люди платили по 25 рублей — по тому времени деньги немалые. Ну, сегодня, возможно, книгомамы не переплачивают за то, чтобы прочитать, но за то, чтобы иметь редкую книгу — переплачивают точно. Словом — ценители книги были во все времена. Но вот вопрос, не деградировали ли их вкусы? Исполнились ли нектаровские мечты, когда «не Блохера и не милорда глупого — Белинского и Гоголя» с базара понесут?

— Литература и макулатура издавались во все времена. Да, давайте задумаемся над нектаровскими строчками глубже. Где тот «Блохер и милорд глупый»? Наверняка перепрели бесследно в пластах истории литературы. А

Белинский и Гоголь остались для нас и останутся в истории русской литературы нетленной страницей. Так и сегодня. Колесо времени перемелет фальшивку в макулатуру, а литература останется непременно. В последние годы интерес к книге настолько возрос, что превратился в моду. Но мы-то знаем, насколько мода изменчива: сегодня в моде одно, завтра совершенно другое. И мода на книгу пройдет, поверьте, останется истинное увлечение книгой, любовь к книге, которая вечна, как вечна сама книга. Да, книга — самое вечное произведение искусства. Старее все: осыпается здание великого архитектора, тускнеют краски на картине знаменитого живописца, покрывается трещинами скульптура талантливого мастера... Книга переиздается, но содержание ее, краски не меняются. Благодаря ее величеству — книге — мы в первозданности познаем мир Гомера, Пушкина, Толстого. В этом ценность и вечность книги.

— А сами вы собираете книги?

— Никогда не ставил себе это целью и не болел страстью приобретать книги. И прежде чем купить, подумаю, может, она кому-то нужнее, чем мне? В моем доме среди книг две любимые книжные полки, на которых те, что для работы, и те, что для души. И подобраны они не по корешкам, а по одному мне ведомому закону. Скажу только, что рядом с переплетами может совершенно спокойно соседствовать клеенчатая тетрадь, которая тоже книга, только от руки переписанная — так лучше я запомню текст. И еще есть книги, подаренные мне авторами. Для меня это большая ценность.

— Александр Давидович, ваша программа и ваши симпатии всегда ли одно целое? Другими словами, писатели, которых читали и читаете со сцены, вами любимы?

— Всегда. Это одно из условий моей работы.

— Благодарю за беседу.

Фото Н. МОШКОВА.